

**Андре Жид — друг СССР. Рождение репутации
(К переводу статьи Дм. Мережковского)**

Наталья Харитонова

Аннотация: В статье рассматривается, как зародилась и сформировалась репутация Андре Жида — друга СССР. В 1928 г. советская литературная печать заинтересовалась его «Путешествием в Конго», но писатель все же оставался для нее буржуазным интеллигентом. Публикация дневниковых записей Жида в июне 1932 г., которые были поняты как просоветские, обозначила рубеж в его восприятии как во Франции, так и в СССР. Советская пресса незамедлительно объявила его другом СССР и стала последовательно поддерживать этот образ. Оценки французских литераторов также исходили из того, что писатель стал приверженцем коммунистической идеологии. Русская эмиграция с непониманием отнеслась к жесту Жида. Тогда же Д. Мережковский выступил с открытым письмом, в котором в русле своих антибольшевистских идей упрекал европейцев в симпатиях к Советской России.

Ключевые слова: Андре Жид, СССР, писательская репутация, Д.С. Мережковский.

Информация об авторе: Наталья Юрьевна Харитонова, Doctora en Filología Hispánica, старший научный сотрудник Отдела литератур Европы и Америки новейшего времени, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Москва, Россия. E-mail: barrocorgu@mail.ru

Громкий разрыв отношений советских культурных и писательских организаций с Андре Жидом, последовавший в декабре 1936 г. за публикацией его «Возвращения из СССР», хорошо известен. Принято считать, что во время поездки в СССР писатель изменил свой взгляд на страну Советов и результатом критического переосмысления советского опыта стала его книга: «А. Жиду за два месяца поездки по СССР удалось разглядеть и сформулировать многое»¹.

Трактовка этого сюжета настолько общепринята, что, кажется, и необходимость подробного критического анализа истории отношений французского писателя с его советскими коллегами и изменений его позиции давно отпала. Однако процесс имиджмейкерства, конструирования международной репутации «друга Со-

¹ Фрезинский Б. Писатели и советские вожди. М.: Эллис-Лак, 2008. С. 432.

ветского Союза», очень многим обязанной именно советской печати, причем того времени, когда писатель впервые был публично причислен к когорте поддерживающих советский строй западных интеллектуалов, заслуживает гораздо большего внимания. Зададимся вопросом: что же было у истоков «дружбы» Советского Союза и Андре Жида? Как отнеслись во Франции к просоветским высказываниям писателя?

Не отличавшиеся оригинальностью советские приемы тенденциозного информирования были суммой опыта пропагандистских кампаний прошлых лет, да и случай Жида был далеко не уникален. История ренегатства «балканского Горького», как называли румынского писателя Панаита Истрати, сначала канонизированного советской публицистикой, но затем ей же превращенного из революционера в предателя, уже успела в 1929 г. несколько омрачить историю советских литературных связей с Западом². После своего долгого пребывания в СССР П. Истрати вернулся во Францию, выступал в печати с интервью, где критиковал советский режим, и, наконец, опубликовал книгу об СССР «К другому пламени» (1929). После публичного развенчания и поругания в советской печати Истрати, ранее ею же вознесенный на литературный Олимп, был с него низвергнут и предан забвению: модель была создана. Тем не менее, при всей популярности П. Истрати, А. Жид был писателем совсем другого масштаба. Жид был не просто известен, он обладал огромным моральным авторитетом и влиянием на современников, называвших его своим «учителем», а его советский травелог, в отличие от книги Истрати, вызвал во всем мире несомненно больший резонанс, и это лишь отчасти можно объяснить изменением исторического и политического контекста Франции в предвоенный период.

Русская революция и появление на карте мира Советской России стали событиями, вызвавшими не только негативную реакцию, но и живой интерес на Западе. Паломничество в большевистскую Россию было массовым³, и речь шла не только об интеллектуалах: это были политики и ученые, инженеры и предприниматели, рабочие и учителя, общественные деятели и обыватели, совершенно не обязательно левого толка. Далеко не все, но многие из тех, кто побывал в Стране Советов, становились адептами коммунистического режима, а информация о социальных, эконо-

² Об этом подробнее см.: *Харитонова Н.Ю.* От революционера к ренегату. Трансформация образа Панаита Истрати в центральной советской печати конца двадцатых — начала тридцатых годов // Новые российские гуманитарные исследования. 2015. № 10.

³ См., например: *Дэвид-Фокс Майкл.* Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости. 1921–1941 годы. М.: НЛО, 2015; о поездке А. Жида в СССР см. с. 438–449.

мических и культурных преобразованиях часто появлялась на страницах газет и журналов самой разной политической ориентации. Поэтому сам по себе факт, что А. Жид проявил интерес к происходящему в СССР, не являлся чем-то исключительным. Однако примечательно, что писатель, славившийся своей аполитичностью и не принимавший участия в общественно-политической деятельности, в течение долгих лет сохраняя нейтралитет и индивидуализм, наконец публично высказался о своем отношении к происходящему в СССР, причем высказался весьма доброжелательно. А это, безусловно, не могло остаться незамеченным ни у него на родине, ни в самом Союзе, который вел тогда дипломатические переговоры с французским правительством и был крайне заинтересован в потеплении общественного мнения.

Первые положительные отзывы А. Жида о СССР относятся к 1931–1932 гг.⁴ В январе 1932 г. Жид осторожно дистанцировался от так называемого «дела Арагона», когда после публикации в конце 1931 г. во французской версии издававшегося в Москве журнала «Литература мировой революции» стихотворения «Красный фронт» поэта обвинили в подстрекательстве военных к неподчинению и анархистской пропаганде⁵. Однако 1 июня 1932 г. Жид начал печатать в «*La Nouvelle Revue Française*» страницы из своего дневника, написанные в январе того же года, где он рассуждал о своем желании увидеть успех пятилетнего плана. В сущности, эти записи не содержали апологии коммунизма и советского режима, но их сразу интерпретировали как обращение в большевизм, обсуждали «справа и слева, в городах и провинции, во Франции, а вскоре и за границей»⁶, то есть в Москве.

На первой полосе «Литературной газеты» от 23 июля 1932 г. появилась публикация перевода страницы из дневника Андре Жида, напечатанного в июльском номере «*La Nouvelle Revue Française*», в котором писатель рассуждал о пятилетнем плане Советского Союза: «Сейчас мне особенно хочется еще достаточно прожить, чтобы иметь возможность увидеть, как восторжествует план новой России»⁷. Именно эта публикация стала поворотной в создании репутации Жида — друга СССР.

До этого Жида русскоязычные читатели и критики, безусловно, уже знали. Первые произведения Жида были переведены на русский язык еще до революции⁸. Затем в течение ряда лет его

⁴ *Coeuré Sophie, Mazuy Rachel. Cousu de fil rouge. Voyages des intellectuels français en Union soviétique. Paris: CNR Séditions, 2012. P. 140.*

⁵ *Lestringant F. André Gide l'inquiéteur. Le sel de la terre ou l'inquiétude assumée. 1919–1951. Paris: Flammarion, 2011. P. 536–549.*

⁶ Там же. P. 571.

⁷ Литературная газета. 1932, 23 июля. № 33. С. 1.

⁸ Эссе «Памяти Оскара Уайльда» в издании сочинений Оскара Уайльда: *De profundis. Письма; Афоризмы; Стихотворения в прозе. М.: Товарищество*

творчество не привлекало внимания советских книгоиздателей. В 1923 г. петроградское издательство «Мысль» в серии Библиотека иностранной литературы выпускает роман «Безнравственный»⁹ в переводе А.Г. Мовшенсона, а три года спустя издательство «Academia» опубликовало собрание сочинений Жиды под общей редакцией М. Лозинского, А.А. Смирнова и А. Франковского¹⁰, в котором, в частности, вышли романы «Подземелья Ватикана», «Фальшивомонетки» и «Имморалист».

В 1928 г. журнал «Вестник иностранной литературы» предложил своим читателям отрывки из «Путешествия в Конго» в переводе З. Вершининой¹¹. Надо заметить, что именно это сочинение писателя привлекло к себе дополнительное внимание советской критики. И. Анисимов в том же номере журнала с удовольствием признал, что «Путешествие в Конго» — «потрясающая книга». Писателю, по его мнению, удалось распознать «колониальную трагедию» во время своего путешествия. Но одного этого критику было не достаточно, потому что «африканский опыт не опрокинул взглядов Жиды на капиталистическую цивилизацию, не сделал его революционным отрицателем». Анисимов поэтому пришел к выводу о буржуазности сознания Жиды: «Книга остается великолепным документом, разоблачающим не только колониальную политику современной Франции, но и психологию интеллигента, неспособного разобраться в социальных противоречиях». Выделяя африканский травелог в творчестве писателя, самого его критик упрекнул в том, что он не достиг подлинного марксистского восприятия мира, так и оставшись интеллигентом, тесно связанным «со всем строем буржуазной культуры»¹².

Африканский травелог Жиды вышел также в 1931 г. в издательстве «Федерация»¹³. И в ноябре 1931 г. это переведенное на русский язык сочинение стало объектом критики на страницах «Литературной газеты», и даже не само по себе, а как продукция издательства, которое печатало «явно-вредные» книги, по мнению авторов статьи. Книгу А. Жиды критики называли «допустимой»,

«Печатня С.П. Яковлева», 1905; *Ремизов А.М.* Переводы. Любовь. А. Штеенбух. Продавец солнца. Рашильд. Филоктет или Трактат о трех добродетелях. Санкт-Петербург: журнал «Театр и искусство», 1908. 76 с.

⁹ Жид А. Безнравственный. Пг.: Мысль, 1923. 135 с.

¹⁰ Жид А. Собрание сочинений. Л.: Academia, 1926–1927.

¹¹ Жид А. Путешествие в Конго // Вестник иностранной литературы. 1928. № 3. С. 96–115. Отдельное изд.: М.: Федерация, 1931.

¹² Анисимов Ив. Французские заметки // Вестник иностранной литературы. 1928. № 3. С. 150. Ср. статью И.И. Анисимова об А. Жиде в «Литературной энциклопедии» (М., 1930. Т. 4. Стб. 168–171).

¹³ См. рецензию: *Риза-Заде Ф.* Новинки французского романа // Вестник иностранной литературы. 1930. № 3. С. 190–200.

однако немедленно задались вопросом, «почему именно на ней при отборе переводной литературы остановило свой взор издательство, чем она значительная?»¹⁴

В январе 1932 г. та же «Литературная газета» в рубрике «За ленинский этап в литературоведении», чей лозунг предлагал оказать «Беспощадный отпор всем буржуазным, антимарксистским, контрреволюционно-троцкистским теориям!», опубликовала статью Т. Мотылевой «Невыполненные обязательства» о неудовлетворительном выполнении международных обязательств РАПП. И здесь основной темой статьи является не творчество А. Жида, и не он сам. Но критик упомянула его как писателя «буржуазного», иными словами, вредного, который случайно и без специальных комментариев попал в «дезориентирующий список», рекомендуемый рабочему-читателю массовым журналом РАПП «Рост»¹⁵.

Дневниковая запись Жида о пятилетнем плане не только придала значительность творчеству писателя и исключила его книги из «дезориентирующих списков», но и стала залогом чудесной трансформации его репутации. Перевод страницы из дневника сопровождало краткое предисловие, в котором признавалось, что Жид обладает «большим влиянием и авторитетом среди современных французских писателей»¹⁶.

Тема дружественности Жида немедленно подхватывается в других статьях газеты, причем публикации появляются в нескольких номерах подряд. В конце июля его новое высказывание уже помещается в подборку цитат и писем других зарубежных писателей (А. Барбюса, Г. Манна, Р. Роллана, В. Маргерита, Ш. Вильдрака и других) под рубрикой, вносящей полную ясность в отношении советского издания к Жиду: «Друзья СССР — враги войны!». Редакторы подчеркивают особый статус писателя, поэтому перевод письма Р. Роллану, в котором Жид объявляет о своем присоединении к инициативной группе антивоенного конгресса в Амстердаме¹⁷, печатается самым первым¹⁸.

Из следующего номера «Литературной газеты» становится известно, что редакция обратилась с письмом к Жиду и он вступил с ней в переписку. 5 августа на первой полосе под заголовком «Лучшие писатели уходят от капитализма» печатается «новое

¹⁴ В. З-ий, Мих. Ц. Случайные прорывы или система ошибок? О продукции издательства «Федерация» // Литературная газета. 1931, 2 ноября. № 59. С. 4.

¹⁵ Мотылева Т. Невыполненные обязательства // Лит. газета. 1932, 16 января. № 3. С. 2.

¹⁶ Лит. газета. 1932, 26 июля. № 33. С. 2.

¹⁷ Конгресс состоялся 27–29 августа 1932 г. Основной темой обсуждений стала защита СССР.

¹⁸ Лит. газета. 1932, 29 июля. № 34. С. 2.

письмо Андре Жида», которое пришло на имя тов. Ромова, заведующего иностранным отделом газеты: «Я очень рад, что моя страница из дневника предшествовала вашему письму; таким образом, никто не сможет сказать, что мое заявление было этим письмом вызвано. Я считаю, что настало время, когда уже нельзя хранить в секрете свои мнения и убеждения. [...] Я хотел бы громко прокричать о своей симпатии к СССР и чтобы крик мой был услышан и чтобы он приобрел определенное значение. Я хотел бы достаточно прожить, чтобы увидеть успешное проведение плана Сталина. Для его успеха, которого я желаю от всей души, я хотел бы иметь возможность что-нибудь сделать»¹⁹. В этом письме Жид, по сути, не говорит ничего принципиально нового, обыгрывая вновь уже упоминавшуюся дневниковую запись, где он выражал свое желание увидеть успешное завершение пятилетки. Но этот жест писателя, теперь называемого «лучшим», вызвал эйфорию советской печати, которая увлеченно и убежденно писала о переходе Жида в лагерь сторонников и друзей СССР.

И. Эренбург на страницах все той же «Литературной газеты» в конце августа 1932 г. рассказывал о своей встрече с Жидом, совершенно неожиданно обрисованным пылким и искренним неофитом с юным сердцем, и о его новом статусе адепта коммунизма, при этом существенное значение имеет понятие «сдвига сознания», которое испытал, по его словам, французский романист: «Последние годы принесли глубокий сдвиг сознания многих французских писателей. Наиболее показательным является последний этап Андре Жида (этап, ярко отраженный в его письме в “Литературной газете”). Я недавно встретился с ним в Париже, и он мне говорил о принципах коммунизма с жаром юного пионера. Я, конечно, несколько сомневаюсь в экономических познаниях как Андре Жида, так и многих других дружественных нам писателей. Но их искренность и убежденность не подлежат никаким сомнениям»²⁰. Слова Эренбурга, имеющие, кроме всего прочего, характер личного свидетельства, дополнительно легитимизировали новый образ Жида: они должны были убедить в том, что просоветские высказывания писателя не случайны, что за ними действительно стоит искренняя вера в коммунизм, пусть и наивная. Отметим, что портретная зарисовка Жида, созданная Эренбургом, очень далека от реальности: скорее это был холодный, рассудительный, осторожный и сомневающийся, не имеющий привычки к публичности интеллект. Но советскому читателю, не имевше-

¹⁹ Лит. газета. 1932, 5 августа. № 35. С. 1.

²⁰ Опустошенность буржуазной литературы. Интерес к произведениям советских писателей возрастает. Беседа с И. Эренбургом // Лит. газета. 1932, 29 августа. № 39. С. 3.

му представления о писателе, необходимо было донести мысль о страстной увлеченности Жида коммунистическими идеями, его убежденности в них.

В течение всего 1932 г. в советской печати регулярно продолжали появляться статьи, в которых вновь и вновь подчеркивался новый статус Жида. При этом взбудоражившее советских литературных деятелей признание Жида приобретало все более грандиозное измерение. И. Анисимов в статье об антивоенном конгрессе в Амстердаме с характерным заголовком «Лучшие писатели Запада порывают с капитализмом» писал: «Даже среди писателей Запада, находящихся в капиталистическом лагере, далеко от революционности, находятся люди, благородно и смело возвышающие свой голос для того, чтобы признать неизбежность гибели гнивающего капиталистического мира и приветствовать мир социализма. Таковы, например, последние выступления Андре Жида, заявляющего о своем сочувствии СССР. Это — исторические заявления»²¹. Кроме того что Анисимов придает высказываниям Жида характер исторических, хотя это очевидное манипулятивное преувеличение, он формулирует тут существенную мысль, которая будет неоднократно повторяться в более поздних текстах о писателе: Жид порвал с капитализмом. Таков кумулятивный пропагандистский эффект небольшого фрагмента из дневниковых записей писателя о пятилетнем плане.

На волне хвалебных статей о разорвавшем со своей буржуазной средой писателе наконец появляются материалы о его творчестве: теперь его называют «мастером слова» и, признавая, что Жид почти неизвестен в СССР, предлагают советскому читателю восполнить свое «незнание», ознакомившись с переводом статьи французского литературного критика Б. Фейя, которая содержит сведения о жизненном пути Жида и, что примечательно, поэтике его произведений. Критик признает, что это «наиболее талантливый и мудрый писатель современной Франции», отмечает особенности его образности, особую музыкальность его стиля²². Дополняют публикацию страницы из дневника Жида от января 1931 — апреля 1932 г., где писатель размышляет о смерти, прогрессе и литературе, о разуме и вере, не уделяя политике или идеологии особого внимания.

Дневниковые записи Жида продолжали публиковаться в СССР. В ноябре 1932 г. в «Литературной газете» было напечатано очередное письмо писателя, из которого можно узнать, что он по-прежнему состоял в переписке с редакцией, на сей раз выславшей

²¹ Анисимов Ив. Лучшие писатели Запада порывают с капитализмом // Лит. газета. 1932, 11 сентября. № 41. С. 2.

²² Андре Жид — мастер слова // Лит. газета. 1932, 5 октября. № 45. С. 2.

ему анкету с просьбой о скорейших ответах. Интересно, что Жид не стал утруждать себя, а предоставил редакторам свободу выбрать самостоятельно фрагменты из своего дневника: «Я получил ваше письмо и приложенные к нему вопросы. Позвольте мне выразить свои симпатии к вашей газете и просить вас вместо нового ответа на поставленные вопросы опубликовать по вашему выбору те страницы из моего дневника, напечатанного в “Нуэль реву франсез”, которые покажутся вам наиболее интересными»²³. Немедленно воспользовавшись удобным случаем, редакция выбрала те строки из дневника, где речь шла о Советском Союзе и религии, — для очередного подтверждения просоветской позиции Жида. Выбор пал на запись от 30 января, где Жид делился впечатлениями от чтения антисоветского номера журнала «Je suis partout», на его размышления о вере в записи от 23 апреля. Дополняли их запись об отношении к советской власти во Франции, от 8 июня, и рассуждение о моде на обращение в коммунизм, от 13 июня.

В конце ноября того же года в «Литературной газете» вышла статья И. Анисимова, до сих пор в основном писавшего о Жиде в обзорных работах, целиком посвященная писателю. Критик подвел итог предыдущим публикациям о столь желанном для СССР и во многом гиперболизированном приобщении Жида к коммунизму. Это уже был не тот интеллигент, неспособный на революционный бунт, о котором писал Анисимов в 1928 г. И хотя критик назвал Жида поэтом «безобразия капиталистического мира», по его мнению, он проделал большой путь к «отрыву» от капитализма и, став уже новым «замечательным представителем» западной интеллигенции, вступил в ряд «лучших писателей буржуазного мира [...], связавших свою судьбу с революцией, с борьбой за социализм»²⁴.

Во Франции реакция на признания Жида в просоветских симпатиях напрямую зависела от политических убеждений пишущих, однако любопытно, что многие сосредотачивались именно на строках о пятилетнем плане, ставших своего рода клише в рассуждениях о писателе. Робер Франсис в «La Revue française» от 25 октября 1932 г. высмеял шестидесятипятилетнего Жида, доведя до абсурда лишенный логики дневниковый поток сознания писателя, в котором смешивались мистицизм и пятилетний план, и предложил причислить его к допотопным ветхозаветным патриархам: «Пора сбросить на состарившегося господина Жида одежды Ноя»²⁵.

²³ Из дневника Андре Жида // Лит. газета. 1932, 17 ноября. № 52. С. 1.

²⁴ Анисимов Ив. Андрэ Жид и капитализм // Лит. газета. 1932, 29 ноября. № 54. С. 2.

²⁵ *Lestringant F.* Op. cit. P. 52.

Андре Жид с советскими пионерами, 1936 (РГАКФД)

Правый католический романист Франсуа Мориак выступил на страницах газеты «L'Écho de Paris» 10 сентября того же года, обвиняя Жида в опасном лицемерии: «Москва, от которой французские рабочие отворачиваются, находит огромное утешение среди элиты. Москва привлекает многих писателей, столь нежных и утонченных, — в первую очередь, Андре Жида, которого пятилетний план погружает в прелюбопытный бред»²⁶. Мориак назвал сближение французской интеллектуальной элиты и, прежде всего, Жида, с СССР «странной авантюрой», и упрекнул его в попрании «морального закона», в том, что он выбрал прогресс в ущерб христианской вере, подобострастно рассыпаясь в комплиментах «большевицкому людоеду».

16 сентября поэт и художественный критик Камиль Моклер в престижном социалистическом издании «La Dépêche de Toulouse» посвятил Жиду статью «От Оскара Уайлда к Ленину». Моклер не просто назвал писателя «прирожденным растлителем», двусмысленно обыгрывая его влияние на молодежь, но и заявил, что, если Жида признают советские власти, он будет потерян для французской литературы и культурного общества²⁷.

10 ноября в националистическом журнале «L'Action française» появилась статья Гьерри Молньера, посвященная Жиду. Как и другие французские литераторы, в свое хлесткое рассуждение он включил упоминание пятилетнего плана из дневников Жида.

²⁶ Цит. по: *Lestringant F.* Op. cit. P. 573.

²⁷ *Lestringant F.* Op. cit. P. 575.

Объясняя интерес Жида к марксизму потребностью омолодить старую кровь, Молньер усмотрел в действиях писателя корысть и ожидание вознаграждения за оказанную Советам пропагандистскую услугу²⁸.

Во французской печати, отнесшейся критически к признаниям Жида, писатель представлен лицемерным, расчетливым и безнравственным снобом, затеявшим на старости лет игры с опасным режимом. И наряду с теми, кто предлагал не воспринимать всерьез постаревшего кумира, были и те, кто призывал объявить писателю бойкот.

24 декабря 1932 г. масла в огонь общественной дискуссии по поводу «советизации» Жида подлила публикация в «Les Nouvelles littéraires» фрагмента из уже упоминавшейся статьи И. Анисимова «Андрэ Жид и капитализм», который снабдили заголовком «Москва отвечает на переход Жида в другую веру»²⁹. Таким образом, пропагандистский цикл был завершен и в СССР, и во Франции, а марксистская риторика советского критика, в свою очередь, продемонстрировала французскому обществу, что СССР принял Жида в ряды своих друзей.

Интерес А. Жида к СССР представлялся как минимум экстравагантным не только французским правым, но и представителям русской белой эмиграции во Франции. Т.В. Балашова отмечала, что «русские писатели, потерявшие Россию, которых приняла Франция, могли лишь с крайним недоумением отнестись к “странным” переменам в настроениях Андре Жида»³⁰. О резонансе, который вызвали в среде эмиграции высказывания Жида и дискуссия вокруг него, свидетельствует, в частности, письмо А. Жиду Г. Адамовича (март 1933), который сообщал французскому интеллектуалу о собрании в редакции журнала «Числа» на тему «Андре Жид и СССР», и просил его не подумать, что оно «организовано специально против» него. Упомянув письма Жида, опубликованные в «московских газетах», Адамович также пишет о реакции русских эмигрантов на его просоветские высказывания: «При чтении “Страниц из дневника” мы пришли в удивление, мы пытаемся понять»³¹.

Д. Мережковский также принял участие в дискуссии, выступив с открытым письмом «Андре Жид и СССР». Его, начавшего страстную борьбу с большевистским режимом еще в 1920-е, не могли оставить равнодушным дневниковые записи Жида. Еще десятилетие назад Мережковский выступал в Польше, а затем в Париже с антибольшевистскими лекциями, которые задумывались

²⁸ *Lestringant F.* Op. cit. Там же.

²⁹ *Lestringant F.* Op. cit. С. 576–577.

³⁰ Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 356.

³¹ Диалог писателей. С. 359.

им как агитационный ход в кампании против признания Советской России западными странами. Как писал В. Злобин, 16 декабря 1920 г. Мережковский, впервые обращаясь к парижской публике, сказал: «Народам иногда прощается глупость, а иногда и подлость. Но глупость и подлость вместе — никогда. То, что вы с нами делаете, подло и глупо вместе. Это вам никогда не простится»³². Другим ярким эпизодом его противостояния Советам стало обращение к Папе Римскому Пию XI, когда в 1922 г. в печати появились сообщения об успешном завершении переговоров между Ватиканом и советским правительством, в результате которых якобы был подписан договор. В письме понтифику Мережковский не смог «скрыть своего возмущения»³³.

В подобном антисоветском ключе написана статья «Царство Антихриста. Большевизм, Европа и Россия» (1921), многие мысли и даже фрагменты которой Мережковский включил в письмо «Андре Жид и СССР». Так, десять лет спустя он вновь вернулся к теме невиданного рабства в России и отрицания Христа «буржуем» и большевиками³⁴. Выразительным и по-прежнему актуальным ему представлялся образ из «Братьев Карамазовых» — «гадин», пожирающих друг друга³⁵, и он включил его в свой новый текст. Но целый ряд реалий указывает на то, что письмо написано во второй половине — конце 1932 г. Об этом красноречиво свидетельствует упоминание пятилетнего плана, которое было ключевым в обсуждении дневниковых записей Жида, причем как в СССР, так и во Франции. Мережковский прочил провал пятилетки и с горечью упоминал подписанные мировыми державами договоры о ненападении с Россией. Войдя в посмертный сборник статей Мережковского 1944 г. «Европа лицом к лицу с СССР», письмо, безусловно, иначе звучало в новом историческом контексте, прежде всего, потому, что Жид уже давно «реабилитировался», опубликовав свое «Возвращение из СССР» и «Поправки» к нему. Но тогда, в 1932 г., оно стало частью широкой дискуссии, похвал и осуждения прокоммунистических заявлений Жида, за которым практически сразу закрепился статус «друга СССР».

Литература

Анисимов Ив. Французские заметки // Вестник иностранной литературы. 1928. № 3. С. 147–150.

³² Злобин В. Д.С. Мережковский и его борьба с большевизмом // Дальние берега: Портреты писателей эмиграции. М.: Республика, 1994. С. 118.

³³ Там же. С. 121.

³⁴ Мережковский Д.С. Царство антихриста. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2001. С. 10.

³⁵ Там же. С. 25.

Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 960 с.

Дэвид-Фокс Майкл. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости. 1921–1941 годы. М.: НЛЮ, 2015. 566 с.

Фрезинский Б. Писатели и советские вожди. М.: Эллис-Лак, 2008. 672 с.

Харитонова Н.Ю. От революционера к ренегату. Трансформация образа Панаита Истрати в центральной советской печати конца двадцатых — начала тридцатых годов // Новые российские гуманитарные исследования. 2015. № 10. (<http://www.nrgumis.ru/articles/1960/>)

Coeur  Sophie, Mazuy Rachel. Cousu de fil rouge. Voyages des intellectuels franґais en Union sovi tique. Paris: CNRS  ditions, 2012. 380 p.

Lestringant F. Andr  Gide l'inqui teur. Le sel de la terre ou l'inqui tude assum e. 1919–1951. Paris: Flammarion, 2011. 1165 p.

References

Anisimov Iv. “Frantsuzskie zametki”. *Vestnik inostrannoi literatury*. 1928. № 3. P. 147–150.

Coeur Sophie, Mazuy Rachel. *Cousu de fil rouge. Voyages des intellectuels franґais en Union sovi tique*. Paris: CNRS  ditions, 2012. 380 p.

David-Fox Michael. *Showcasing the Great Experiment. Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941*. Moscow: NLO Publ., 2015. 566 p. (In Russ.)

Dialog pisatelei. Iz istorii russko-frantsuzskikh kul'turnykh sviazei XX veka. 1920–1970. Moscow: IMLI RAN Publ., 2002. 960 p.

Frezinskii B. *Pisateli i sovetskie vozhdhi*. Moscow: Ellis-Lak Publ., 2008. 672 p.

Kharitonova N. Iu. “Ot revoliutsionera k renegatu. Transformatsiia obraza Panaita Istrati v tsentral'noi sovetskoi pechati kontsa dvadtsatykh — nachala tridtsatykh godov”. *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniia*. 2015. № 10. Online at <http://www.nrgumis.ru/articles/1960/>

Lestringant F. *Andr  Gide l'inqui teur. Le sel de la terre ou l'inqui tude assum e. 1919–1951*. Paris: Flammarion, 2011. 1165 p.

Andr  Gide as a ‘friend of the Soviet Union’: Origins of the reputation

Natalia Kharitonova

Abstract: The article considers origins and genesis of Andr  Gide’s reputation as a “friend of the Soviet Union.” In 1928 Soviet literary press took interest in Gide’s book *Travels in the Congo*, its author still being regarded as a bourgeois intellectual. Publication of Gide’s journal entries, interpreted as pro-Soviet, in June 1932 marked a border line in his perception both in France and in the USSR. Soviet press declared him a ‘friend of the Soviet Union’ and began to persistently cultivate this image. Opinions of French literary critics and intellectuals also re-

lied on the assumption that Gide had become a follower of the Communist ideology. Russian immigration circles failed to understand Gide's action. Thus, Dmitry Merezhkovsky wrote an open letter to Gide in the spirit of his own anti-bolshevist ideas where he accused European intellectuals of sympathizing with the Soviet regime.

Keywords: André Gide, USSR, writers' reputation, Dmitry Merezhkovsky.

Information about the author: Natalia Kharitonova, PhD in Hispanic Studies, Researcher at the Department of Modern European and American Literature, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. E-mail: barrocorgg@mail.ru

Приложение

Дмитрий Мережковский

Андре Жид и СССР

(Перевод Н.Ю. Харитоновой)

Смог ли бы европеец, пресыщенный искусственным раем капитализма, удовлетворить свою жажду истинного рая в коммунизме Советов? Возможно, чтобы ответить на этот вопрос, вызванный случаем господина Жида, было бы полезно перевести его с уровня абстрактных рассуждений, как его обычно рассматривают, в исключительно практическую область.

Мы, русские эмигранты, знаем лучше всякого другого, как бессильно человеческое слово доказать реальность опыта тем, кто с ним незнаком. Мы были достаточно наивны, не поверив в это бессилие в начале нашей эмиграции. Если бы нам сказали тогда, что к тридцатым годам русские коммунисты станут «баловнями» Европы¹, мы бы сказали, что, раз так случилось, вероятно, мир сошел с ума. Тем не менее, факт налицо. Уже нет счета европейским буржуа, соблазненным русским коммунизмом — Бернад Шоу, Эйнштейн², Андре Жид и т.д. Было бы напрасно пытаться убедить свободную Европу — да, несмотря на все ужасы капитализма, милитаризма, Европа еще свободна — в том, что самый спелый плод того, что здесь столь легко и невежественно называют «русской социальной революцией», это такое рабство, которого не знают не только нынешние европейцы, но даже не могли себе представить и древние египтяне эпохи пирамид.

Да, воистину, такого рабства никогда еще на земле не бывало³. Донеыне всякое человеческое насилие, порабощение было только частичным, условным и относительным, именно потому,

что было только человеческим. Всякий поработоритель знал, что делает зло; русские коммунисты этого совсем не знают. Так извратили понятия, что зло считают добром, добро злом, «по советски». И впервые на земле явилось рабство безграничное, абсолютное, нечеловеческое, дьявольское.

Таков рай, обретенный современным европейским буржуа, коллективным Андре Жидом.

Давно излечившиеся от наших наивных надежд, нашей веры в силу человеческого слова, мы пытаемся по крайней мере найти хоть какое-то рациональное объяснение этому трагическому безумию.

Помните ли вы, как Бодлер предлагал своей собаке флакон духов⁴, но был бессилен ей доказать, что приятный запах лучше дурного⁵? Предъявите господину Жиду хоть самые неоспоримые доказательства могильного запаха русского коммунизма, к примеру, пятилетнего плана, этого не хватит, чтобы опровергнуть саму очевидность. Не оттого ли, чтоб не пустить себе пулю в лоб, если этот план, как все на то указывает, потерпит крах? Вовсе нет, но оттого, что он прельщен ароматами СССР, и потому что выбор между запахами, в конце концов, вовсе не вопрос анализа, а по сути, вопрос первичного, элементарного, бесспорного опыта, не требующего обоснований, — то есть вопрос обоняния и вкуса. А разве тоска по скверным запахам не является симптомом неизлечимой болезни?

Для того чтобы дать отчет в симптоматическом значении случаев, подобных случаю господина Жида, — желании покончить с собой, духе Не-бытия, парящем над нашей агонизирующей цивилизацией, — следовало бы хорошо разобраться в самой таинственной евангельской притче о добром семени и о плевелах, растущих на одном поле и столь неразрывно переплетенных, что когда рабы домовладыки пожелали вырвать плевела, «нет, ответил им Господь, — чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы, оставьте расти вместе то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в снопы, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою»⁶.

Доброе семя — сыны царствия — «того, кто есть», а плевелы — сыны лукавого, духа Небытия: таков, кажется, смысл этой притчи. В жизненном поле неразрывно переплетены, как добрые семена и плевелы, сущие люди, те, которые есть (когда «я» и «Личность» являются единственной сущностью человеческого бытия), с не-сущими, с теми, кто не существует, с призраками, с ларвами человека, воплощением Небытия. Разве не является выбор между Бытием и Не-бытием, между подлинным человеческим лицом и фантастическим ларвом, вопросом первичного опыта?

Меня не было — меня не стало⁷.
Non fui — non sum.

Разве не выражает восхитительным образом этот девиз, нечертанный на могиле мудреца или же безумца агонизирующего язычества, глубокую волю тех, кто подобен господину Жиду, и имя которым — «легион»? Буржуй пришел к согласию с коммунистами по основному вопросу — отрицанию личности — абсолютной, божественной свободы, он согласен с господином Жидом и во всем остальном. Но сколь наивным бы он ни был (хотя он скорее наивен, чем наделен животной хитростью), наш буржуй предчувствует, более или менее туманно, что в конце концов коммунисты его поглотят. Так зачем же ему самому бросаться в их пасть? Возможно, он желает быть сожранным? Возможно, он устал и желает отказаться от бытия? Да, вот конечная тайна коммунистов и буржуа: воля к небытию. Тщетны были бы наши усилия, если бы мы пытались им доказать превосходство Бытия над Не-бытием, личности над безличием. Необходимо позволить им получить свой опыт небытия в коммунистическом раю. Пусть они разыграют там свое блаженство наоборот.

Блаженны те, кого нет, ибо войдут они в царство Сатаны.

Блаженны те, кто испытывает голод и жажду лжи, ибо ждет их та же судьба.

Блаженны нечистые сердцем, ибо узреют они лик Сатаны.

«Один гад съест другую гадину»⁸, говорит Карамазов⁹. Мы сейчас между двумя гадами, буржуйным и коммунистическим. Нам нужно сделать выбор между ними. Но гады так схожи, что почти не различишь. Коммунистический гад — хочет быть красным, буржуйный — белым; но оба только пестрые, пятнистые: белый — с красными, красный — с белыми пятнами. И сплетаются в противоестественной похоти — во «всемирной революции», или всемирном мошенничестве пактов о «не нападении»¹⁰, тоже не различишь. Кто буржуй, а кто коммунист? Они сами этого более не знают. Сплелись, свились в чудовищном спазме; ласкаются, кусаются. Но из двух гадов будет один, — один Зверь: он-то и пожрет нас всех.

Возможно ли объяснить метафизическую суть «жидизма», этой проказы современного духа, буржуазного, коммунистического, обратившись к математической теории Лейбница о «бесконечно малых величинах», но переиначив ее, то есть заменив их на «бесконечно великие» или даже «грандиозные» ничтожества, ведь именно таковым является это смехотворное и неизлечимое безумие не-сущих, которые хотят выдать себя за саму сущность, ничтожнейших, которые желают казаться великими, термитов-титанов. Их безумие — в надежде, что чудовищная мордочка насеко-

мого, увеличенная, помноженная на бесконечность, могла бы стать ликом божьим. Полутермиты, охваченные жадой абсолютной термитности — таковы буржуи, влюбленные в интегральный коммунизм, — неисчислимые Жиды наших дней. Да будет им пухом Земля обетованная Советов!

Перевод выполнен по изданию: *Merejkowsky D. L'Europe face à l'U.R.S.S. Paris, 1944. P. 112–116.* С франц. перевода Ж. Шюзиля.

¹ Вл. Злобин в своей статье «Мережковский и его борьба с большевизмом» (1956) прибегает к неявной цитации Мережковского. Ср.: «В начале тридцатых годов всеми признанные большевики становятся “баловнями” Европы» (Дальние берега. Портреты писателей эмиграции. М.: Республика, 1994. С. 122).

² Бернард Шоу побывал в СССР в 1931 г. и по возвращении в статьях и интервью не скупился на восторженные оценки советских перспектив и личности Сталина, с которым имел трехчасовую беседу. Три его текста включены в пропагандистский сборник «Глазами иностранцев. 1917–1932» (М.: ГИХЛ, 1932). Альберт Эйнштейн СССР не посещал, но открыто поддерживал антивоенные и социалистические европейские «фронты», с 1920-х гг. сотрудничал с «Обществом друзей Новой России», выступал с высокими оценками Ленина и т.д.

³ Фрагмент, начиная со слов «Да, воистину, такого рабства..» и заканчивая словами «нечеловеческое, дьявольское», Мережковский заимствует из своей собственной статьи «Царство антихриста» (1921) (*Мережковский Д.С. Царство антихриста.* СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2001. С. 10). Замены заключаются в том, что вместо «большевики» здесь читаем «русские коммунисты»; в данной статье опущена часть фразы, в «Царстве антихриста» читаем «“по совести”, по своей нечеловеческой, дьявольской совести».

⁴ Речь идет о стихотворении Шарля Бодлера «Пес и флакон» (1862; из цикла «Стихотворения в прозе (Парижский сплин)»).

⁵ Ср. у Вл. Злобина: «Но, подобно Бодлеру, тщетно пытавшемуся доказывать своей собаке, давая ей нюхать флакон с духами, что хороший запах приятнее дурного, Мережковский был бессилен удержать Европу в ее влечении к большевизму. Ей нравится “аромат Сталина”» (Дальние берега. С. 120).

⁶ Мф 13: 24-30. Эту «одну из глубочайших и таинственнейших Евангельских притч» Мережковский в аналогичном ключе трактует в книге «Кальвин» (1938) (трилогия «Реформаторы»).

⁷ Мережковский имеет в виду фразу, приписываемую Эпикуру. Однако тут латинская цитата неточная: должно быть «Non fui, fui, non sum» («Меня не было, я был, меня не стало»). Мережковский же подчеркивает здесь идею небытия не-сущих.

⁸ Иван Карамазов об отце и брате Дмитрие (ч. 1, кн. 3, гл 9. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. С. 129).

⁹ Мережковский возвращается к статье «Царство антихриста», заменяя политические реалии 20-х гг. на реалии 30-х. В «Царстве антихриста» этот фрагмент полностью выглядит так: «“Один гад съест другую гадину”, — говорит Иван Федорович Карамазов о лакее Смердякове, отцеубийце, и об отце

своем Федоре Павловиче. Мы все сейчас, как Иван Карамазов, — между двумя гадами, буржуйным и большевистским. Нам нужно сделать выбор между ними. Но гады так схожи, что почти не различишь. Большевистский — хочет быть красным, буржуйный — белым; но оба только пестрые, пятнистые: белый — с красными, красный — с белыми пятнами. И сплетаются в противоположенной похоти — во “всемирной революции”, или всемирном мошенничестве, “вандерлиповых концессиях”, — тоже не различишь. Сплелись, свились; ласкаются, кусаются. Кто кого пожрет? Никто. Но из двух гадов будет один, — один Зверь: он-то и пожрет нас всех. Какой же это зверь? Я мог бы сказать, какой, но вы все равно не поверите» (*Мережковский Д.С. Царство антихриста*. С. 25–26).

¹⁰ В 1931–1932 гг. СССР подписал ряд пактов о ненападении, а в ноябре 1932 г. был подписан и советско-французский пакт, которому предшествовали длительные переговоры.